

історичних романів. Фундаментальна праця Вс. Соловйова розглядається у дзеркалі літературної критики та наукового дискурсу. Робиться висновок про те, що художній цикл гармонійно вписаний у контекст творчості письменника і слугує безцінним матеріалом для вивчення його історіософської концепції.

Ключові слова: пенталогія, творча спадщина, історичний роман, документальне джерело, художня вигадка, творчий задум, Горбатови, Романови, Російська імперія.

SUMMARY

Karpina E. S. Pentalogy “Chronicle of Four Generations” in Vsevolod Solovyov’s Writing Heritage.

The article presents an attempt to define the place and significance of the pentalogy “Chronicle of Four Generations” in the creative heritage of Vsevolod Sergeevich Solovyov – a famous Russian fiction writer of the turn of the XIX-XX centuries, an author of numerous historical novels. Vs. Solovyov’s fundamental work is considered in the mirror of the literary criticism and scientific discourse. It is concluded that the artistic cycle is harmoniously included in the context of the writer’s oeuvre and serves as an invaluable material for the study of his historiosofical conception.

Key words: pentalogy, creative heritage, historical novel, documentary source, artistic invention, creative concept, the Gorbatovs, the Romanovs, the Russian Empire.

*С. А. Комаров
(Бахмут)*

УДК 821.161.1

ПРОБЛЕМА ПУБЛИЦИСТИЧНОСТИ В РУССКОМ ФЕЛЬЕТОНЕ XIX ВЕКА

Тезис о комбинировании в фельетонном жанре признаков публицистики, художественной литературы и различных проявлений комического давно стал традиционным. Вполне закономерным в данном контексте представляется

отнесение фельетона к жанрам «художественной публицистики» (Г. С. Прохоров [13]). Фактор «пограничности» фельетона, синтеза в нем разновекторных поэтикальных особенностей во многом определил его популярность в качестве предмета изучения в литературоведении и теории журналистики.

Фельетонное творчество русских классиков XIX века исследовано неравномерно. Еще в советское время предпринимались попытки системного изучения фельетонистики эпохи – в частности, в работах Л. Ф. Ершова [8] и Е. И. Журбиной [9]. Но эти и другие литературоведы освещали проблемно-тематическое и формальное своеобразие фельетонов периода с характерной для того времени тенденциозностью. Только в последние два десятилетия в отдельных диссертациях затрагивались вопросы поэтики фельетона в историко-литературном аспекте: например, Е. К. Рева (2009) [15] изучала фельетоны Ф. М. Достоевского; Г. А. Шпилева (2007) [20] касалась жанра фельетона как одной из вех творческого пути Н. А. Некрасова. Другие современные ученые рассматривали фельетоны авторов уже века XX-го (В. П. Катаева, М. Е. Кольцова, М. А. Булгакова, М. М. Зоценко, И. А. Ильфа и Е. П. Петрова), причем как манифестацию журналистской деятельности писателей.

В связи с проблемой публицистичности фельетона особый интерес для нас представляет работа А. Е. Истоминой, в которой предлагается анализ жанра в контексте политического дискурса [10]. Исследователь, раскрывая признаки фельетона в ракурсе функциональной стилистики, утверждает такие черты жанра, как «полемичность», являющуюся «следствием оппозиционности», и «агрессивность, заключающуюся в подчеркнутом маркировании чуждости и использовании разного рода инвектив» [10, с. 163]. Названные характеристики выступают проявлением публицистичности и находят целенаправленное воплощение в социально-политическом фельетоне. Но обширный корпус фельетонов XIX века не ограничивается указанным типом: важную его часть составляли бытовые, социально-нравственные, фельетоны об искусстве и

литературе. В них также заявляют о себе склонность к полемике и ярко выраженная критическая доминанта.

Целью данной статьи является исследование публицистической направленности русской фельетонистики XIX века. Отталкиваясь от категорий и компонентов, выделяемых учеными, разрабатывающих теорию публицистики, мы предлагаем анализ роли публицистичности, функционирования ее элементов в фельетонных текстах К. Ф. Рылеева, Ф. В. Булгарина, А. С. Пушкина, А. И. Герцена, Ф. М. Достоевского, М. Е. Салтыкова-Щедрина.

В различных дефинициях публицистики, предлагаемых еще советскими исследователями, акцентируется внимание, прежде всего, на социально-политической ее сущности. В определении, представленном в «Справочнике журналиста», в частности, выделяется политический аспект, связанный с обобщением фактического материала [2, с. 677-678], а в энциклопедическом словаре, кроме актуальности и социальности, дополнительно отмечены оценочная и конструктивная направленность [3, с. 1081]. М. М. Бахтин помещает публицистику в один ряд со «вторичными (сложными) речевыми жанрами»: среди них он называет роман, драму, научные исследования. Публицистические жанры, по мнению ученого, складываются в ходе «высокоразвитого и культурного общения (преимущественно письменного)» [1, с. 239] и характеризуются постоянными признаками: «предметно-смысловыми соображениями» [1, с. 242] автора (тематическим содержанием), стилем, композицией, целевой установкой («речевые замыслы ... пишущих» [1, с. 247]).

Современный исследователь Н. В. Казакова, синтезируя характеристики, на которые обращали внимание ее предшественники, определяет публицистику как «особый род литературы, представляющий собой эмоционально-образное, популярное и обобщенное изложение актуальных социальных и научных проблем на основе конструктивной оценки автором оперативного фактического материала, с целью прогрессивно-гуманистической активизации субъективного фактора» [11, с. 15]. Под «субъективным фактором» здесь следует понимать

совокупность обязательной для публицистического произведения документальной основы, которая предполагает «точную фиксацию объекта отражения» [11, с. 16], и авторской позиции, всегда индивидуальной.

Отправной точкой развития «сюжета» публицистического произведения всегда является факт. Наряду с ним компонентами такого текста выступают мнение, аргумент, проблема, концепция (авторское понимание проблемы), вывод. Подчеркнем, что проблема, поднятая в том или ином произведении публицистического жанра, исследуется автором в аспекте поиска возможных решений (Н. В. Казакова [11]). Оставляя за фактом приоритетное право, публицисты не пренебрегают аналогиями, гипотезами, догадками, прогнозами как способами постижения реальности. Этим они выходят за пределы фактологичности, оперируя приемами научного и художественного текста.

Разные жанры публицистики допускают наличие категории вымысла. И в статье, и в очерке, и в фельетоне присутствует условность, хотя и в различной степени. С. А. Шомова утверждает, что эта «степень» определяется «мерой» «деформации действительности... мерой «вмешательства» в жизнь, которую может позволить себе автор» [19, с. 11]. В теории публицистики условность отождествляется с категориями домысла, вымысла, художественности и подчинена доминантам документального, социального и объективного. Условность публицистики проявляется на уровне хронотопа. Время в публицистическом произведении, с одной стороны, «открыто», всегда включено в контекст конкретной исторической эпохи. Настоящее, которое развивается на глазах читателя и включает в себя множество событий, как бы «незавершено», ведь мы не знаем будущего изображенных героев. С другой стороны, время, отраженное в публицистическом тексте, дискретно – это проявляется в наличии размышлений, комментариев, перебивающих, приостанавливающих линейное повествование. Пространство в публицистике также несет в себе некоторую степень абстрактности, часто полифонично.

Писательская публицистика – промежуточное явление, в котором равно значимы публицистическое и художественное начала, политическая и

эстетическая функции. По мнению П. П. Каминского, она является прямым выражением авторской позиции, «типом творчества, предшествующим в его литературной деятельности художественному, или следующим за ним как автокомментарий художественных текстов» [12, с. 103]. В писательской публицистике может раскрываться позиция автора по разным вопросам действительности: социальным, политическим, идеологическим, экономическим, историческим, философским, религиозным, литературным. Особенно важными характеристиками писательской публицистики являются такие, уже коррелируемые с художественностью, компоненты, как образность, детализация, психологизм, символизация, произвольные ассоциации.

Синонимом словосочетания «писательская публицистика» подчас выступает обозначение «художественная публицистика» [13]. Г. С. Прохоров систематизировал различные точки зрения на это действительно «размытое» понятие и пришел к выводу о существовании формы «художественно-публицистического единства», в котором показываются «эмпирические ситуации этого мира, как если бы они были событиями эстетического порядка» [13, с. 49]. Мы солидарны с данной позицией, отражающей фактор близости художественной публицистики к науке, хотя считаем, что не следует отвергать и другие мнения, интерпретирующие ее как «особую группу журналистских жанров» [13, с. 47]. Подобную мысль высказывал, в частности, А. Г. Бочаров, убежденный в том, что публицистика – это «художественное изложение проблем общественной жизни человека» [4, с. 48].

Фельетон, безусловно, несет в себе многие черты публицистики. Среди них: опора на факт; злободневность; обращение к социально-политическим вопросам; воздействующая функция, предполагающая активный диалог с читателем – изменение не только его представления о чем-либо, но и его поведения и действий; использование структурных элементов, типичных для публицистического текста. Также необходимо указать на наличие «публицистического образа» в фельетоне. «В художественно-публицистических жанрах (в частности, фельетоне), отражающих

действительность при посредстве образов-тезисов, обычно используются лаконичные микрообразы. ...Это средство решения публицистической и сатирической задачи через обрисовку конкретного образа-тезиса» [5, с. 165-166], – так формулируется сущность публицистической образности. Под «микрообразами» следует понимать неделимые, «элементарные» образы, обладающие многозначностью и «экспрессивно-оценочной характеристикой» [5, с. 165-166]. Средствами, создающими «микрообразы», могут выступать эпитеты, метафоры, фразеологизмы, каламбуры и т. п. Названные особенности, находящие воплощение в произведениях фельетонного жанра, позволяют говорить о его публицистичности.

В русской словесности вплоть до 1830-40-х годов фельетон означал преимущественно рубрику, отдел газеты, часто ее приложение, где размещались разного рода объявления, информация о театральном репертуаре, отчеты о выставках, реклама мод, литературные мелочи развлекательного, подчеркнуто неполитического характера. Тем не менее, уже в материалах фельетона – газетного раздела, часто проявлялись остроумие и насмешка, а также полемический публицистический пафос.

Некоторые черты фельетонного жанра, в том числе публицистичность, заявляют о себе в цикле К. Ф. Рыльева «Провинциал в Петербурге» (1821). Сюжетная канва трех текстов, вошедших в серию, строится вокруг приезда помещицкой семейной четы в столицу. Направленность авторской критики имеет различные векторы. Во-первых, через восприятие рассказчика-провинциала высмеиваются «петербургская культура» и жители провинции, легко поддающиеся модным проевропейским веяниям, распространенным в столице, иронично показываются отношения в семье, где муж беспрекословно подчиняется желаниям супруги – все это входит в круг нравоописательной сатиры. Во-вторых, писатель насыщает фельетоны социальными инвективами, хотя даются они в репликах рассказчика как бы невзначай, не сообразуясь с развитием сюжета – так вводится публицистическая составляющая. В частности, в фельетоне «Древние и новые» герой вспоминает, что судья их

uezda любил повторять: «Люди – всегда и везде люди!» [17, с. 73], и тут же комментирует эту фразу: «Не знаю, откуда занял он сие короткое изречение, но верно уж не из судейской своей архивы, ибо я уверен, что подобных справедливых сентенций ни он, ни предшественник его не дельвали от самого учреждения уездных судов» [17, с. 73]. Это же суждение рассказчик, впоследствии, расшифровывает: «*Люди ...всегда, ...везде* были, как и в наше время, злы, лицемерны, низки, подлы, льстивы, глупы, жестоки, коварны, любопытны, мизерны, слабы, несправедливы...» [17, с. 74] (курсив К. Ф. Рылеева), производя критическое обобщение.

Заслугу внедрения фельетона в русскую прессу признают за редактором «Северной пчелы» Ф. В. Булгариным. «Ничто, или Альманачная статейка о ничем» (1833), оформленная в виде письма к издателю А. Ф. Смирдину, выступает прямым откликом на посещение автором «Общества литераторов и любителей словесности». Так проявляются первичные признаки фельетона – злободневность и фактичность (хотя и в несколько затушеванном виде – не называются ни имена, ни даты). Повествователь констатирует изменения в «литературных обычаях, чувствованиях, связях и взаимных отношениях» [16, с. 69], – все пронизывают игра на публику, неискренность и взаимная похвальба. Описания писательской среды наполнены яркой образностью и каламбурами. Повествователь не чужд самоиронии: то он называет себя «подражателем» и «литературным вором», то объявляет врагом свой собственный язык, ведь он «наделал расстройств и замешательств, попавшись в приятные и усладительные беседы плутов, взяточников, лицемеров, низкопоклонников, невежд, толкующих нежно о честности, о бескорыстии, о Христианских добродетелях, об усердии к службе и о просвещении» [16, с. 71]. В целом, можно говорить о функционировании в болгаринском тексте следующих черт фельетона: фактической основы, смешения публицистичности и образности, свободной композиции, иронического пафоса.

Критические заметки А. С. Пушкина в «Телескопе» 1831 года, подписанные именем Феофилакта Косичкина «Торжество дружбы, или

Оправданный Александр Анфимович Орлов», «Несколько слов о мизинце г. Булгарина и о прочем» часто называют среди первых опытов фельетонного жанра в русской литературе [8]. Язвительно ироничные, эти «публицистически насыщенные иносказания» [9, с. 231] были направлены против Ф. В. Булгарина и Н. И. Греча, представленных автором как «утешительный пример согласия, основанного на взаимном уважении, сходстве души занятий гражданских и литературных» [14, с. 204]). Фельетонист включается в начатую Н. И. Надеждиным полемику вокруг болгаринских романов о Выжигине, пародии на которые были выпущены А. А. Орловым. Литературные достоинства произведений последнего уступают «первоисточникам», тем не менее, А. С. Пушкин всячески умалывает позитивные стороны книг Ф. В. Булгарина и высмеивает его самого, в противовес прославлению Орлова, его «оправданию» от вполне понятных нападков «Северной пчелы». О публицистичности фельетонов А. С. Пушкина говорит фактографичность, изображение реальных лиц и злободневность темы.

В 1840-50-е годы фельетон перестает быть газетно-журнальной рубрикой, преобразуется в жанровую форму. В социально-политической и литературной жизни страны фельетон явился тем жанром, который имел возможность оперативно реагировать на происходящие в обществе и культуре изменения. Его небольшой объем, четко проявлявшаяся авторская позиция, всесторонний охват событий и явлений, подаваемый средствами иронии и юмора, делали этот жанр универсальным.

Важную веху в поэтикальной эволюции фельетона ознаменовали произведения А. И. Герцена. Перу выдающегося писателя принадлежат фельетоны, публиковавшиеся в 40-е годы в журнале «Отечественные записки», а в 50-60-е – в «Колоколе». Острой публицистичностью характеризуются последние, составившие цикл «Августейшие путешественники» (1857-1867). В них разоблачается политика монархизма. Через образы представителей царской семьи автор вскрывает социально-политические проблемы российского общества, антинародную сущность самодержавия, при этом наглядно

демонстрируя свою позицию в этих вопросах. В фельетоне «Вдовствующая императрица» (1857) А. И. Герцен живописует сатирический портрет вдовы Николая I. Фиксируя пребывание своей героини в разных странах и городах, писатель характеризует то или иное государство: Австрия, в частности, представлена «гнездилищем рабства и абсолютизма», а Швейцария – «страной без царя, ... в которой государственные преступники вроде Телля, этого Пестеля с большей удачей, считаются великими людьми» [6, с. 158]. Публицистический компонент вводится в текст фельетона напрямую – через рассуждения о политике Германии, Австрии, Италии, России и отсылки в прошлое этих стран.

Оригинально работает с публицистическим материалом Ф. М. Достоевский в фельетонах «Петербургская летопись» (1847) и «Петербургские сновидения в стихах и прозе» (1861). Главное преимущество жанра автор видел в возможности выразить свою позицию непосредственно, а также в потребности современной словесности в оригинальных мыслях. Свое отношение к социальным проблемам он облекает в форму свободных размышлений: отталкиваясь от какой-либо незначительной новости из столичной жизни, оформленной, как мнение или впечатление современника, рассказчик рефлексировал о ней, выводя на уровень общественного, морального или философского обобщения. Так, наполненность фельетона «Петербургские сновидения в стихах и прозе» новостями оттеняется автобиографическими деталями и картинами «униженной бедности», которые и служат точкой отсчета для разного рода размышлений. Например, встреча с мальчиком, просящим на кусок хлеба, вызывает у рассказчика следующие вопросы: «...подумаешь, сколько грустного цинизма, сколько тяжелых впечатлений вынесет этот мальчик из своего детства. И не отразится ли этот цинизм в его нравственном развитии? А если отразится, то чем? отвращением ли к этому цинизму или одним из тех примирений, которые губят душу навеки?» [7, с. 491]. Подобным способом Ф. М. Достоевский обогащает художественные образы «публицистическими эмоциями» [15, с. 8].

В русской фельетонистике 1860-70-х годов критическая по отношению к социально-политическому устройству страны направленность усиливается. В равной степени данный фактор говорит и о доминировании в фельетонных текстах публицистического начала. М. Е. Салтыков-Щедрин в циклах «Сатиры в прозе» (1863) и «Признаки времени» (1863-1871) раскрывает проблемы общественного звучания: бичует царскую администрацию, судебную систему, показывает разнообразные политические воззрения. Публицистичность щедринских фельетонов реализуется в фактологичности, острой злободневности и пафосе идеологической борьбы. В частности, критический заряд фельетона «Литературные будочники» (1863) направлен на проправительственные газеты «Московские ведомости» и «Наше время» – основным аспектом сатиры здесь становится «элемент полицейский» в журналистике и литературе. Об усилении контроля государства над печатью идет речь и в фельетоне «Цензор впопыхах» (1863). В фельетонах цикла «Признаки времени» осмысливаются многие характерные явления эпохи: о распространении в обществе «повального равнодушия» и «мыслебоязни» рассказывается в «Литературном положении»; «Наш *savoir vivre*» вскрывает проблему стремления к накопительству; псевдопатриотизму посвящен фельетон «Русские “гулящие люди” за границей»; идеи либерализма и деятельность его представителей развенчиваются в фельетоне «Новый Нарцисс, или Влюбленный в себя» [18]. М. Е. Салтыков-Щедрин эстетически преобразует реальность, часто на основе фактической ситуации моделируя вымышленную. Обобщенные типы, фигурирующие в фельетонах сатирика, являются производными образами реальных политических и культурных деятелей. Все это говорит о художественной окраске публицистического материала.

Подводя итог, подчеркнем важность публицистической составляющей в фельетоне XIX века. Если в ранних образцах жанра, в частности у К. Ф. Рылеева, «выход» в публицистичность только намечен и реализуется лишь в периодически возникающих иронических комментариях того или иного

события (при этом проявляется авторская склонность к обобщениям), то фельетонные тексты Ф. В. Булгарина, А. С. Пушкина, А. И. Герцена, Ф. М. Достоевского, М. Е. Салтыкова-Щедрина уже в полной мере оперируют признаками публицистики. Фельетоны указанных авторов характеризуются разной степенью насыщенности фактами, апелляцией к реальным лицам, злободневностью, «включенностью» в контекст эпохи, пространственно-временной дискретностью, полемичностью, завуалированным или выраженным напрямую критическим пафосом. Также, в произведениях классиков функционируют «элементарные» образы, создаваемые посредством различных средств художественной выразительности.

Интерес представляет проблема внедрения публицистической поэтики в стихотворный фельетон XIX века. Пути и формы ее реализации в фельетонах Н. А. Некрасова, Д. Д. Минаева, В. С. Курочкина, Н. А. Добролюбова, В. П. Буренина различны. Их исследование составляет перспективу разработки вопроса.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества. Москва: Искусство, 1979. 423 с.
2. Богданов Н. Г., Вяземский Б. А. Справочник журналиста. Ленинград: Лениздат, 1971. 687 с.
3. Большой энциклопедический словарь: [А – Я] / Гл. ред. А. М. Прохоров. Москва: Советская энциклопедия; Санкт-Петербург: Фонд «Ленинградская галерея», 1993. 1628 с.
4. Бочаров А. Г. Не сотвори себе гомункулуса. *Вестник Московского университета. Серия «Журналистика»*. 1968. № 5. С. 44–54.
5. Вакуров В. Н. Основы стилистики фразеологических единиц (на материале советского фельетона). Москва: Издательство Моск. ун-та, 1983. 176 с.

6. Герцен А. И. Собрание сочинений: в 30 т. Москва: Издательство Академии наук СССР, 1954–1965. Т. 2. Статьи и фельетоны 1841–1846. Дневник 1842–1845. 515 с.
7. Достоевский Ф. М. Петербургские сновидения. *Достоевский Ф. М. Собрание сочинений: в 15 т.* Ленинград: Наука, 1988-1996. Т. 3. С. 482–502.
8. Ершов Л. Ф. Сатирические жанры русской советской литературы. Ленинград: Наука, 1977. 284 с.
9. Журбина Е. И. Повесть с двумя сюжетами. Москва: Советский писатель, 1979. 376 с.
10. Истомина А. Е. Фельетон как жанр политического дискурса: дис. ...канд. филол. наук: спец. 10.02.19 «Теория языка». Волгоград, 2008. 192 с.
11. Казакова Н. В. Русская публицистика в социально-философском осмыслении приоритетных глобальных проблем: дис. ...канд. филос. наук: спец. 09.00.11 «Социальная философия». Саранск, 1999. 170 с.
12. Каминский П. П. Принципы исследования публицистики на современном этапе. *Вестник Томского государственного университета. Филология.* 2007. № 1. С. 97–105.
13. Прохоров Г. С. Что такое художественная публицистика? *Новый филологический вестник.* 2012. № 3 (22). С. 44–52.
14. Пушкин А. С. Торжество дружбы, или Оправданный Александр Анфимович Орлов. *Пушкин А. С. Полное собрание сочинений: в 19 т.* Москва: Воскресенье, 1994-1997. Т. 11. С. 204–210.
15. Рева Е. К. Жанр фельетона в творчестве Ф. М. Достоевского: дис. ...канд. филол. наук: спец. 10.01.01 «Русская литература». Пенза, 2009. 167 с.
16. Русский фельетон. В помощь работникам печати. Москва: Гос. издательство политической литературы, 1958. 456 с.
17. Рылеев К. Ф. Сочинения. Москва: Художественная литература, 1987. 418 с.

18. Салтыков-Щедрин М. Е. Собрание сочинений: в 20 т. Москва: Художественная литература, 1965–1977. Т. 7. Признаки времени. Письма из провинции. 1969. 695 с.

19. Шомова С. А. Виды условности в публицистике: автореферат дис. ...канд. филол. наук: спец. 10.01.10. «Журналистика». Москва, 1990. 22 с.

20. Шпилева Г. А. Динамика прозы Н. А. Некрасова: художественный метод и стиль, жанр и межродовые отношения: автореферат дис. ...доктора филол. наук: спец. 10.01.01. «Русская литература». Воронеж, 2007. 36 с.

АНОТАЦІЯ

Комаров С. А. Проблема публіцистичності у російському фейлетоні XIX століття.

У статті пропонується дослідження публіцистичної спрямованості російської фейлетоністики XIX століття. Відштовхуючись від проблемно-формальних особливостей публіцистики (опора на факт, злободенність, звернення до актуальних соціально-політичних питань, полемічність, критичний пафос, просторово-часова дискретність), автор проводить аналіз їх виявів у фейлетонах К. Ф. Рилєєва, Ф. В. Булгаріна, О. С. Пушкіна, О. І. Герцена, Ф. М. Достоевського, М. Є. Салтикова-Щедріна. Також, звернена увага на функціонування образів, які створюються різними стилістичними засобами.

Ключові слова: фейлетон, публіцистичність, факт, актуальність, полемічність, критичний пафос, образ.

SUMMARY

Komarov S. A. The Problem of Publicistic in Russian Feuilleton of the 19-th Century.

The article proposes a study of publicistic orientation of Russian feuilletons of the nineteenth century. Proceeding from the problem-formal features of journalism (reliance on the fact, urgency, addressing to the actual socio-political issues, polemics, critical pathos, spatial and temporal discreteness), the author analyzes their manifestations in feuilletons of K. F. Ryleev, F. V. Bulgarin, A. S. Pushkin,

A. I. Gertsen, F. M. Dostoyevsky, M. E. Saltykov-Shchedrin. Also, the attention is paid to the functioning of images created by various stylistic means.

Key words: feuilleton, publicistic, fact, actuality, polemic, critical pathos, image.

*В. В. Концур
(Бахмут)*

УДК 321.64:81'42:331.105.44"1950/1960"19"

**ТОТАЛІТАРНИЙ ДИСКУРС У ПРОФСПІКОВИХ ДОКУМЕНТАХ
З ПИТАНЬ ОРГАНІЗАЦІЇ РУХУ ЗА КОМУНІСТИЧНУ ПРАЦЮ
(середина 50-х – середина 60-х рр. ХХ ст.)**

Суперечливий процес формування сучасної української держави вимагає комплексного критичного переосмислення минулого. Дослідження словесної спадщини радянського періоду – тоталітарного дискурсу – надає історичній науці значний матеріал для аналізу загальних закономірностей історичного процесу періоду який досліджується.

У рамках даного дослідження здійснено спробу розглянути мову епохи «відлиги» – одного з «найдемократичніших» етапів радянського тоталітаризму. Поставлена проблема набуває особливого інтересу з урахуванням тієї обставини, що тоталітарний дискурс вивчається на основі опублікованих документів та архівних матеріалів найдемократичнішої за своєю суттю та наймасовішої організації трудящих – професійних спілок, функціонування якої передбачає постійну взаємодію із суспільством і владою.

Значна кількість досліджень з порушеного питання засвідчує його актуальність [1, 2, 5, 12]. Науковці зазначають, що особливістю тоталітарного політичного дискурсу було те, що він значно розходився з політичною, побутовою, економічною та іншими типами реальності.

Оскільки радянський дискурс будувався навколо головних концептів – соціальна справедливість і народовладдя, тому дефіцит демократичної легітимності тоталітарної влади вимагав приділяти особливу увагу політичному